

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ**

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Ю.И. Рубинский

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
ЕВРОПЫ**

МОСКВА 2013

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

Ю.И. Рубинский

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
ЕВРОПЫ**

**Доклады Института Европы
№ 297**

Москва 2013

УДК 172
ББК 87.703
Р82

Редакционный совет:
Н.П. Шмелёв (председатель),
Ю.А. Борко, Ал.А. Громыко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Под редакцией Ал.А. Громыко

Рецензенты:

Арзаканян Марина Цолаковна, доктор исторических наук
Фёдоров Сергей Матвеевич, кандидат политических наук

Номер государственной регистрации: № 01200905001
«Комплексное исследование развития стран и регионов
Европейского континента на современном этапе»

В подготовке материалов к печати принимала участие
Е.В. Дрожжина

Рубинский Ю.И. Ценностные ориентиры Европы = Main trends of the European values / Ю.И. Рубинский . – М. : Ин-т Европы РАН , 2013. – 56 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 297). – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-028-6.

Работа руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН д.и.н. Ю.И. Рубинского анализирует основные тенденции общественной мысли современной Европы и их место в мировой цивилизации.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-028-6

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2013

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

Yu.I. Rubinski

**MAIN TRENDS
OF EUROPEAN VALUES**

**Reports of the Institute of Europe
№ 297**

Moscow 2013

Аннотация

Работа руководителя Центра французских исследований Института Европы РАН д.и.н. Ю.И. Рубинского анализирует основные исторические этапы формирования ценностных ориентаций народов Европы с тем, чтобы уточнить их место во всё более разнообразном глобализированном мире XXI в. Важнейшей особенностью европейских ценностей автор считает сочетание плюрализма с глубоким внутренним единством, благодаря чему они сохраняют непреходящую роль среди общечеловеческих ценностей мировой цивилизации.

Annotation

The essay of professor Yuri Rubinski, head of Center for French Studies of the Institute of Europe RAS, analyzes main periods in the history of European values and their place in the globalised world of the XXI century. For the author the most important feature of these values is the combination of pluralism and their deep internal coherence, which insures that European values play indispensable role in the value system of the human civilization.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	7
Европейские ценности.....	8
Единство и плюрализм.....	11
Европа для себя и для всех.....	40

CONTENTS

Introduction.....	7
European values.....	8
Unity and pluralism.....	11
Europe for itself or for everyone.....	40

ВВЕДЕНИЕ

Смещение центра тяжести глобальной экономики и политики с Северной Атлантики в Азиатско-Тихоокеанский регион, ставшее одной из главных тенденций мирового развития в начале III тысячелетия н.э., влечёт за собой далеко идущие последствия не только материального плана. Сдвиги в расстановке экономических и военных сил на планете сопровождаются эволюцией её духовного ландшафта.

Беспрецедентный модернизационный рывок ряда крупнейших развивающихся стран, прежде всего Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки, побуждает их элиты добиваться морального реванша за века гнёта и унижений, пережитых ими в эпоху господства колониальных держав Европы. Это вполне объяснимое стремление ведёт к культурному самоутверждению стран Юга и Востока, отвергающему пришедшие с Запада единые стандарты массового потребления, быта и нравов, диктуемые неписанными законами глобализованного постиндустриального общества.

Оно ещё более усилилось на фоне глубокого финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., который начался в основных центрах силы Запада – США, Евросоюзе, Японии, дискредитируя их модели в качестве единого цивилизационного образца для подражания на пути модернизации.

В той мере, в какой эта перебалансировка находит выражение в пробуждении великих древних цивилизаций, она естественна и оправдана, возвращая человечеству многие духовные богатства, забытые или утраченные за 400-летний период гегемонии Запада. Тем не менее, порой она приобретает утрированный характер. «Возврат к истокам» превращается тогда в разжигание национальной и религиозной розни, нетерпимости, попытки реставрировать силой, в том числе террором, архаичные формы духовной и общественной жизни.

Результатом может оказаться катастрофическое «столкновение цивилизаций», об опасности которого предупреждал Са-

мюэль Хантингтон¹. Бурные, нередко трагические события «арабской весны» – волны социально-политических потрясений, прокатившихся по мусульманским странам Ближнего Востока, Северной Африки – вылились в революции и гражданские войны, вызвавшие в ряде случаев вооружённое вмешательство извне.

Характерной чертой этих событий оказалось тесное переплетение материальных интересов участников и их ценностных ориентаций. Провести грань между теми и другими, определить степень их влияния на мотивы государств и общественных сил оказывается весьма сложной задачей. Поскольку события «арабской весны» непосредственно затронули как интересы, так и ценности европейских государств, анализ их сущности приобретает несомненный интерес.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ

Смысл понятия «ценности» как формы общественного сознания зависит от сферы его приложения. В экономике под этим термином имеется в виду определённый вид и объём материальных благ – товаров, капиталов, услуг, движимой и недвижимой собственности, цена которой зависит от колебаний спроса и предложения на рынке. Значение культурных ценностей – произведений искусства, литературы, поэзии – измеряется не столько их рыночной стоимостью, сколько эстетическими достоинствами – талантом и мастерством творца, находящими отклик в сердцах зрителей, слушателей, читателей. Наконец, в философии и её специальном разделе – аксиомике под ценностями имеются в виду оптимальные условия для достижения человеком его целей в жизни, способы достижения этих целей и их последствия для других людей, определяемые в нравственных категориях добра и зла.

На индивидуальном, личностном уровне семьи, близких, соседей ценностями могут считаться любовь, уважение, доверие, дружба, на коллективном – легитимность власти, верховенство

---

¹ Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the remaking of World Order. London, 1996.

закона, успех в профессии и т.д. Закреплённые традицией, правовыми нормами, религиозными канонами, ценности служат своего рода сеткой координат, кодексом правил поведения людей в обществе, нарушение которых влечёт за собой санкции – моральные или правовые.

Ценностные ориентиры, присущие определённому социуму – народу, клану, партии, корпорации, образуют единую систему, имеющую свою внутреннюю логику. Тем не менее, приоритеты их могут меняться, сталкивая различные нравственные императивы – чувство и долг, стремление к миру и необходимость отпора агрессии, уважение к частной собственности и социальную справедливость. В таких случаях возникают коллизии, преодоление которых требует от человека не только ума и силы воли, но и совести, моральной ответственности за себя и других.

В разные эпохи и у различных народов эти приоритеты, как и сами ценности, могут эволюционировать: достаточно привести пример принципа равноправия женщин, этнических, конфессиональных или сексуальных меньшинств, к которому под разными широтами относятся весьма неоднозначно. «Истина по одну сторону Пиренеев оказывается заблуждением по другую», – иронически отмечал французский философ XVII в. Блез Паскаль.

В связи с этим возникает проблема принадлежности той или иной ценностной системы к региональному цивилизационному ареалу или же к мировой цивилизации в целом, определить контуры которой всегда было весьма сложно. Бывали времена, когда самые крупные очаги цивилизации – Римская и Китайская империи развивались независимо друг от друга, причём каждая считала себя островом культуры, за пределами которого царил варварство (отсюда термин «Срединная империя», как до сих пор иногда называют материковый Китай).

За прошедшие с тех пор два тысячелетия мир изменился до неузнаваемости. Развитие торговых путей и великие географические открытия, завоевательные походы и колонизация, прозелитизм и миссионерство религий постепенно расшатывали границы национальных государств. К началу XXI в. колоссальные

потоки товаров, капиталов, людей превратили планету в «мировую деревню», каждый из 7,2 млрд обитателей которой в чём-то зависит от другого. Технически он способен постоянно общаться в реальном времени со своим антиподом. Стандартизация производства, потребления, массовой культуры ведёт к неуклонной эрозии самобытности цивилизационных ареалов и их ценностных систем.

Между тем те же самые процессы порождают и обратный эффект. Опасности утраты культурной идентичности, размывания традиционных ценностей провоцируют всплески национализма и ксенофобии, религиозной нетерпимости и фанатизма, принимающих порой экстремистские формы. Они могут выражаться в попытках повернуть время вспять, решить проблемы настоящего и будущего апелляцией к традиционным ценностям прошлого. Их олицетворением служат мифологизированные образцы великих предков – государственных деятелей и полководцев, культ которых призван оправдать амбиции современных политиков. Отсюда призывы к протекционизму в экономике, самоизоляции в духовной сфере, ссылки на происки внешних врагов и их местных пособников как главной причины трудностей. Они оборачиваются порой и претензиями на превосходство собственной системы ценностей над всеми прочими, а иногда и попытками агрессивного навязывания её другим как единственного идеального образца.

Под знаком такой манихейской дихотомии, подпитывавшейся непримиримо враждебными идеологиями, прошла по существу почти вся история XX столетия, отмеченная двумя мировыми войнами, революциями, господством тоталитарных режимов, которые сделали своим принципом циничную формулу: «цель оправдывает средства» – моральным объявлялось всё, что отвечает интересам той или иной социально-политической системы.

С окончанием холодной войны могло казаться, что перед лицом беспрецедентных вызовов, с которыми столкнулось человечество на рубеже третьего тысячелетия н.э. (демография, ресурсы, климат), ценностный абсолютизм навсегда уйдёт в прошлое. К сожалению, эти надежды не оправдались. Противо-

борство «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена и американских неоконсерваторов при президентстве Дж. Буша-младшего, объявивших глобальную «войну террору» путём насаждения демократии в исламском мире вооружённой силой, снова придало международным конфликтам ценностное измерение. Хотя победу среди них не одержал никто, а поражение потерпели по сути дела обе стороны, ту же тенденцию продолжают кризисы, связанные с реакцией на последствия «арабской весны» (Ливия, Сирия, Мали).

Помимо непосредственных участников подобных конфликтов, их издержки приходится во многом оплачивать всему человечеству, в том числе Европе, которая всегда была и остаётся своего рода опытным полем, лабораторией, где рождаются, проходят проверку и становятся всеобщими или отмирают многие ценностные категории современного многополярного мира.

ЕДИНСТВО И ПЛЮРАЛИЗМ

Спецификой Европы всегда было и остаётся противоречивое сочетание различий этнического происхождения, языков, культуры, религиозных конфессий населяющих её народов с глубокой общностью системы их основополагающих ценностей.

Евросоюз, в который входят 28 государств, недаром называют порой Вавилонской башней. В самом деле, каждая из трёх основных групп индоевропейских языков, на которых говорят в Европе – германская, романская и славянская, в свою очередь распадается на множество ветвей. На германских языках говорят немцы, австрийцы, голландцы, англичане, скандинавы – шведы, датчане, норвежцы, исландцы. На романских – итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны. Славянская семья распадается на западных славян (поляки, чехи, словаки, словенцы), южных (сербы, хорваты, болгары) и восточных (русские, украинцы, белорусы).

Лингвистическая карта Европы не совпадает с политическими границами государств – в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, французской Бретани ещё пользуются кельтскими языками (гэльский, бретонский). Треть венгров живёт за границей, в

Бельгии валлоны говорят по-французски, а фламандцы на нидерландском, в Швейцарии разные кантоны на немецком, французском, итальянском и ещё рето-романском.

Особняком от них всех стоят угро-финские языки (финны, эстонцы, венгры, мордва, мари, черемисы на Волге), прибалты (литовцы, латыши), а языки басков и албанцев вообще не имеют аналогов.

Хотя религиозными корнями всех европейских народов (за исключением албанцев-мусульман) является христианство, оно распадается на три ведущие конфессии – католицизм, православие и протестантизм, причём последний включает множество течений и сект – лютеранство, кальвинизм, англиканство и т.д.

Верующие испанцы, португальцы, итальянцы, французы, южные немцы, австрийцы, а также чехи, поляки, словаки, литовцы, венгры, словенцы, хорваты в подавляющем большинстве католики; северные и восточные немцы, англичане, голландцы, скандинавы, финны, латыши, эстонцы – протестанты. Православие, возникшее в Византии, приняли вслед за греками сербы, болгары, румыны, русские, украинцы, белорусы.

Этнолингвистическая и конфессиональная чересполосица во многом способствовала тому, что история Европы была прежде всего историей войн за передел территорий, населения, ресурсов – сначала европейских, а в колониальную эпоху и заморских. Европа стала исходным рубежом и основным полем битвы двух мировых, а затем холодной войн, которые раскалывали континент на противостоящие общественные системы, выступавшие под флагами враждебных религиозных или идеологических учений, и военные блоки. Закономерным результатом колоссальных потерь и разрушений в этих войнах стала утрата Европой роли центра тяжести мировой экономики и политики, переместившегося сначала на запад в Северную Америку, а затем на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В то же время в ценностном отношении европейцы всегда сохраняли, несмотря на раздиравшие их конфликты, чувство принадлежности к одному и тому же цивилизационному ареа-

лу². «Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое общее сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян – всё же есть общая связь, соединяющая всех их в одно целое и хорошо видимая каждому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что ещё сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть ещё свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции, – писал выдающийся русский мыслитель XIX в. П.Я. Чаадаев. – ...Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самих событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это – больше, чем история, больше, чем психология, это физиология европейского человека»³.

Основой этой общности служит, прежде всего, культурное наследие Античности – древних Греции и Рима. «На берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, имеющая исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальная по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живём до сих пор», – писал британский историк Европы Дж.М. Робертс⁴.

Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного строя – автократию, аристократию и демократию, предупредив об опасности вырождения их при определённых обстоятельствах в тиранию, олигархию или анархию. Хотя демократические Афины потерпели поражение в войне против аристократической Спарты, после чего вся Греция подпала под власть Македонии, затем Рима, афинская демократия, даже ограниченная рабовладением, навсегда осталась в

---

² См. Ю.И. Рубинский. Европейские ценности. Доклады Института Европы РАН, № 189. М., 2007 г.

³ П.Я. Чаадаев. Статьи и письма. «Современник», М., 1989. С. 44, 45.

⁴ Roberts J.M. The Penguin History of Europe. Penguin Books, 1997. P. 23.

сознании европейцев символом народовластия – решения стоящих перед государством и обществом проблем по воле большинства.

В древней Элладе родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской культуры – литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, наконец, спорт, о чём до сих пор напоминают Олимпийские игры.

Не менее важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко говорят, что римское право является одним из устоев европейской цивилизации. Это действительно так», – констатирует британский историк Европы Норманн Дэвис⁵.

Само латинское слово «lex» («закон») переводится как «связь», т.е. взаимозависимость между членами общества. Хотя своды законов были уже гораздо раньше в деспотиях Древнего Востока – от Хаммурапи до Моисея, именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, где суд выносит приговор на основе писанного законодательства. «Dura lex sed lex» («Суров закон, но он закон») гласит латинская формула, украшающая до сих пор судебные учреждения многих европейских стран.

Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени гражданской и военной администрации – чётко структурированной системы управления государством, где каждый носитель власти имел строго определённый круг полномочий и ответственности. Она продолжала бесперебойно функционировать даже при правлении императоров-тиранов вроде Калигулы или Нерона.

Важнейшим истоком европейских ценностей стало христианство. Придя в Европу с Ближнего Востока и превратившись за три столетия из гонимой иудейской секты в государственную религию Римской империи, оно принесло Европе основу

---

⁵ Norman Davies. Europe. A history. Oxford University Press, Oxford-New-York, 1996. P. 821.

её духовной культуры. 10 заповедей Ветхого завета и евангельская проповедь любви к ближнему, милосердия, покаяния служили на протяжении двух тысячелетий моральным компасом в житейском море для десятков поколений европейцев.

Это особенно характерно для Европы Средних веков, когда христианская вера была безраздельно господствующей формой общественного сознания. С христианством тесно связаны такие кардинальные ценности европейского феодального общества, как кодекс рыцарской чести, верности вассала сеньору, куртуазного служения Прекрасной даме, легенда о мистическом Граале – кубке с обращённой в вино кровью Спасителя, символизовавшего вечные поиски недостижимого идеала. Романтическую ностальгию по этим ценностям, тронутую грустной иронией, олицетворяет «рыцарь печального образа» – Алонсо Кихана Добрый, известный под именем Дон Кихот.

В истории европейского христианства было немало мрачных страниц – жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, костры инквизиции, иступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев такое фундаментальное понятие как веротерпимость (которой не хватает, к сожалению, ныне многим другим великим монотеистическим религиям).

Вековая борьба за первенство между светской и духовной властями – императорами и папами на Западе, басилевсами или царями и патриархами на востоке Европы завершилась, в конечном счёте, отделением в большинстве европейских стран церкви от государства и школы от церкви, закреплением в Конституциях секулярного принципа свободы совести, не допускающего дискриминации за религиозные убеждения или их отсутствие.

Если культурное наследие Античности и христианство стали достоянием всех европейцев, способствовал формированию ими единой системы ценностей, то это могло произойти, как ни парадоксально, только благодаря тому, что в них изначально был заложен внутренний плюрализм, многовариантность.

Культура республиканского, затем имперского Рима сфор-

мировалась в соревновании с греческой, заимствуя одни её элементы (религию, искусство), и отторгая другие. Навязанное Римом провинциям империи писаное право конкурировало с обычным, прецедентным правом завоёванных народов, особенно германских до тех пор, пока между ними не образовался относительный компромиссный синтез. Тем не менее, немалые различия между англосаксонской и континентальной правовыми системами сохраняются поныне.

Это тем более очевидно в отношении христианства. Священное писание толкуется в отдельных частях Европы с учётом местных культурных традиций. Наряду с теологическими и ритуальными вопросами церковные расколы были связаны с различными подходами к нравственным и социальным проблемам. Протестантство появилось на европейской арене там и тогда, где католическая церковь, связанная общностью интересов с феодальным прошлым, стала помехой для дальнейшего развития рыночной экономики и её мотора – городской торговоремесленной буржуазии. Если в католическом вероучении частная собственность и прибыль сохраняют морально ущербную печать греховности, то в протестантском пуританизме они оказываются инструментом Божьего промысла, а вера не нуждается в церковных посредниках. Аналогичные ценностные нюансы присутствовали и в православии (реформы Никона и старообрядчество, из которого вышла значительная часть русского купечества). Тем не менее, фундаментальные нравственные основы христианского вероучения были и остаются общими для всех европейцев.

Если Античность и христианство послужили истоками европейских ценностей, то решающими вехами в их дальнейшей исторической эволюции стали Ренессанс и Просвещение. Обе эти эпохи были временами острейшей борьбы нового со старым, разрыва традиции с модерном. Традиционный уклад, присущий деревне, всегда базируется на неизменном циклическом повторении времён года, использовании одних и тех же привычных способов и орудий производства. Ему присущ вертикально-иерархический патерналистский принцип построения семьи, общины, государства, где домочадцы, крестьяне, поддан-

ные безропотно подчиняются авторитету отца, хозяина, монарха, гарантирующих им взамен безопасность и покровительство.

Напротив, культура модерна, родившаяся в европейском городе, всегда была и остаётся неразрывно связана с идеей постоянного обновления, прогресса – материального и духовного. Вертикальная структура общественных связей, присущая консервативной традиции, волей-неволей отступала под нажимом горизонтальной. Будучи центрами торговли, ремесла, услуг, города, окружённые крепостными стенами, добивались от феодальной аристократии и монархов в обмен на займы и уплату налогов выборного самоуправления. Оно опиралось порой на собственную вооружённую силу. Крепостной, проживший в европейском городе год и один день, становился его гражданином: «Воздух города делает свободным».

Апеллируя к античным образцам, мыслители-гуманисты Ренессанса – Эразм, Брант, Рабле (XIV–XVI вв.) существенно обновили ценностную систему Европы. Они поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Широко раздвинув горизонты Европы в ходе великих географических открытий, а Земли – во Вселенной, Колумб, Магеллан, Коперник помогли европейцам осознать безграничные возможности человеческого ума и воли, Леонардо да Винчи или Микеланджело – величия его творческого гения⁶.

К эпохе Ренессанса и Реформации относится формирование такой характерной черты психологии западноевропейцев, как индивидуализм. Под этим термином, имеющим обычно негативные коннотации, подразумевается отнюдь не просто эгоистическое равнодушие к окружающим людям и готовность жертвовать чужими интересами ради собственных. Речь идёт о чувстве собственного достоинства, независимости от чужих милостей, инициативе и готовности к риску, личной ответственности за свои поступки. Именно эти качества, воспетые впоследствии романтиками, побудили европейцев отправиться вслед за Марко Поло, Плано Карпини, Афанасием Никитиным в далё-

---

⁶ Эразм Роттердамский. Философские произведения. «Наука», М., 1987 г.; Себастиан Брант. Корабль дураков. Избранные сатиры. «Художественная литература», М., 1965 г.

кие странствия к иным цивилизациям, за Кортесом, Писарро, Ермаком – на завоевание горстками конкистадоров или вольных казаков целых континентов.

К тому же индивидуализм в системе европейских ценностей никогда не исключал, а напротив, предполагал и поощрял связи между людьми не только по вертикали (господство – подчинение), но и по горизонтали (семейные, общинные, религиозные и т.д.). Впоследствии именно эта солидарность легла в основу структур европейского гражданского общества – партий, профсоюзов, ассоциаций по интересам, которые стали посредниками между государством и гражданами, условием существования и опорой политической демократии.

Материальными предпосылками Ренессанса стало бурное развитие торговли, банковского дела, теснивших свойственное феодализму натуральное хозяйство. Средневековая культура деревни, замка, монастыря уступала городской с её ремесленными цехами, купеческими гильдиями, выборными магистратами и коммунальными свободами. Мануфактурное, затем фабричное производство на основе наёмного труда брало верх над крепостничеством и земельной рентой.

«Традиция частной собственности подготовила подъём рыночной экономики, являющейся одной из характерных черт европейского континента. Со времён Ренессанса обмен товарами между ведущими европейскими странами, путешествия ради торговли, отправление в путь судов, гружённых тканями, продовольствием, винами или инструментами, становится повседневной практикой, – пишет бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен. – ...Появление капитализма лишь ещё более углубит связь между европейским индивидуализмом и торговой традицией континента. Принимая термины Вебера, можно считать, что развитие капитализма опиралось на дух протестантизма – религии, которая обещает своим верующим спасение души с учётом их успеха, являющегося плодом не столько их личного труда, сколько божественного избрания»⁷.

Не менее значительный, поистине капитальный вклад в фор-

---

⁷ Jorge Semprun, Dominique de Villepin. L'Homme européen. Plon, Paris, 2005. P. 36-37.

мирование системы европейских ценностей внесло Просвещение. Блестящая плеяда философов XVIII в. – Вольтер, Руссо, Дидро, д'Аламбер провозгласили критический разум, не признающий ни предрассудков, ни традиционных авторитетов, единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Среди интеллектуальных элит Европы наука начала постепенно теснить религию как ведущая форма общественного сознания, знание стало не менее важной ценностью, нежели вера.

Именно энциклопедисты впервые в мире ввели понятие естественных прав человека и гражданина, нашедших выражение в бессмертном лозунге Великой Французской революции 1789 г. – Свобода Равенство, Братство. Нанеся сокрушительный удар по сословным привилегиям дворянства и духовенства, по неограниченной власти абсолютных монархов, она стала решающим этапом в утверждении европейской демократии как непреходящей ценностной категории.

Ренессанс, Реформация и Просвещение утверждали свои идеалы в упорной борьбе с архаическими традициями прошлого, радикально обновляя как сами ценности, так и их приоритеты. Однако традиции не исчезали бесследно. Даже лишённые былой безраздельной власти над умами и душами, прежние элиты долго сохраняли сторонников. Некоторые традиционные взгляды, принципы, структуры выживали, причудливо переплетаясь с новыми и образуя с ними синтез. Это помогало смягчать чересчур болезненные последствия разрыва экономической, политической, культурной ткани общества, сохраняя при обновлении элит преемственность поколений. Главной характеристикой системы европейских ценностей стал их плюрализм.

В этом плане имеет смысл сравнить различные пути обновления общественно-политического сегмента ценностных систем, избранные двумя ведущими державами Западной Европы – Англией и Францией.

Первая в Европе английская революция XVII в. прошла через достаточно драматические этапы – гражданскую войну, казнь короля, диктатуру Кромвеля, но завершилась в конце концов компромиссом сторон между прежней и новой элитами –

консервативной земельной аристократией и либеральной городской буржуазией. Политической формой этого компромисса стала монархия, где права короля были ограничены парламентом с аристократической Палатой лордов и преимущественно буржуазной Палатой общин, баланс между которыми обеспечивала относительно независимая судебная система.

Создание такой системы облегчалось постепенной интеграцией прежних элит в рыночную экономику и использованием буржуазией в своих интересах таких позитивных элементов старого порядка, как гарантия неприкосновенности личности Великой хартией вольностей (*Magna carta*), вырванная некогда феодалами у короны. Залогом ценностной стабильности общества послужил тот факт, что английская революция проходила под флагом протестантского пуританства, но в лоне господствующей англиканской церкви.

По-иному сложились судьбы Великой Французской революции 1789 г. Жёсткая вертикаль власти абсолютной монархии, опиравшейся на союз двух привилегированных, освобождённых от налогов сословий – дворянства, которое контролировало высшие эшелоны власти, и католического духовенства с его монополией на образование исключила межэлитный компромисс. Интеграция части буржуазии в структуры системы через откупы, займы короне, продажу государственных должностей и дворянских грамот не меняла дела: крайняя централизация процесса принятия решений лишь создавала почву для коррупции, блокируя модернизационные реформы.

На фоне хронического дефицита государственных финансов, связанного с содержанием пышного версальского двора, многочисленного, продажного и неэффективного чиновничества, огромной армии для дорогостоящих военных походов, напряжённость во французском обществе между верхами и «Третьим сословием» неуклонно росла, вызвав, в конечном счёте, раскол элит. Сформированные просветителями идеи разделения и равновесия властей, договора между государством и гражданским обществом завоевали умы большинства французского, а затем и европейского общественного мнения⁸.

---

⁸ Mare Ferro. *Histoire de France*. Odile Jacob, Paris, 2003. P. 266-267.

Утрата дворянскими элитами идейно-ценностной гегемонии усугублялась глубокой дискредитацией их союзницы и духовной опоры – католической церкви. В отличие от более ранних английской, затем нидерландской Великая Французская революция произошла под знаменем не протестантского пуританства, а воинствующего свободомыслия и антиклерикализма.

Это во многом объясняет радикальные формы революции 1789 г., прошедшие за сжатые сроки от отмены феодальных привилегий высших сословий в рамках конституционной монархии к поджогам крестьянами помещичьих замков, продаже собственности эмигрантов, гражданскому устройству клира, наконец, массовому террору якобинской диктатуры, отправившей на гильотину не только королевскую чету и тысячи аристократов, но и целую череду самих революционеров по обвинению в измене.

Вопреки распространённому в своё время в советской историографии мнению, согласно которому идейно-политический и ценностный радикализм французской революции 1789–1793 гг. расчистил почву для коренного обновления общественной жизни страны, выглядит сегодня спорным. Как раз террористические эксцессы Робеспьера, Сен-Жюста, Марата в сочетании с крайним централизмом во многом способствовали их падению и откату революционной волны вспять. Сменивший якобинцев коррумпированный режим термидорианской Директории открыл путь бонапартистской военной диктатуре и империи Наполеона, завершившейся, несмотря на блестящие победы на полях сражений, её крахом и реставрацией Бурбонов.

В результате на протяжении большей части XIX века Франции пришлось ещё пройти через целую серию новых революций – 1830, 1848, 1870 гг., перепробовать пять режимов – Реставрацию, конституционную Июльскую монархию, парламентскую, затем президентскую Вторую республику, Вторую империю Наполеона III, по существу повторявших разные этапы первой революции 1789 г., прежде чем республиканский строй установился у неё в 1875 г. окончательно. Одним из крупнейших политических мыслителей Франции XIX в. Алексис де Токвиль убедительно доказал, что радикализм революционных

перемен не помешал возрождению многих элементов старого режима в недрах его преемников и даже способствовал их живучести.

Столь различные исторические пути модернизации двух соседних европейских стран имели серьёзные причины как объективного, социально-экономического, так и субъективного, культурно-ценностного характера. Именно в Англии произошла первая в мире промышленная революция, запоздавшая во Франции более чем на столетия. Между тем Великобритания до сих пор остаётся парламентской монархией, тогда как Франция – полупрезидентской республикой.

Психологические, в том числе ценностные различия в подходах к традиции и модерну по обе стороны Ламанша удачно определил известный французский публицист, главный редактор влиятельной газеты «Монд» в середине XX в. Жак Фовэ: «Консерватизм может служить плотиной, которая сдерживает напор потока допущенных ошибок. Если бы поток протекал свободно, он снёс бы всё на своём пути. Определённый механизм может упорядочить течение, использовать его силу, если нужно профильтровать. Это консерватизм по-английски. В противном случае плотина поднимается с уровнем воды до тех пор, пока её однажды не прорвёт. Это консерватизм по-французски. Революции вспыхивают только потому, что эволюции слишком запаздывают»⁹.

Независимо от национальных особенностей, консерватизм как образ мыслей и ценностная тенденция остаётся и поныне основой общественных взглядов значительной части европейцев. Именно он служит краеугольным камнем той части европейского политического спектра, которую принято называть правой.

Сам этот термин, как и противоположное ему прилагательное – левый, появился в начале Великой Французской революции. В августе 1789 г. депутаты Законодательного собрания, выступавшие за сохранение за королём в тексте будущей Конституции права вето на принятые народными представителями законы, разместились справа от председателя (это были дворя-

---

⁹ Jacques Fauvet. *La France déchirée*. Paris, Fayard, 1957. P. 31-32.

не и большинство духовенства), а его противники, представители «Третьего сословия» – слева. С тех пор эти термины прочно вошли в мировой политический лексикон.

Хотя их смысловая нагрузка варьировалась в разные времена и в различных странах в весьма широком диапазоне, правые ценности, в принципе, означают предпочтение существующего порядка во имя сохранения стабильности, а то и возврат к идеализированному прошлому. Ценностное кредо европейских правых консерваторов всегда базировалось на доверии к иерархии элит, чей авторитет вытекает из их происхождения, образования, богатства, культуры, навыков управления обществом. Основными задачами государственной власти правые считают обеспечение общественного порядка, внешней и внутренней безопасности. В духовной сфере правые защищают традиционные моральные ценности – семью, религию, нацию, в искусстве ценят классические традиции, не доверяя модернистским исканиям.

Наконец, в международных делах представителям право-консервативной традиции свойственны тенденция к преимуществу национально-государственных или имперских интересов перед многосторонними обязательствами, склонность к изоляционизму, жёсткие методы решения спорных проблем, в том числе силовыми способами.

Правые ценности разделяют не только представители социально привилегированных слоёв, но и значительная часть обывательской массы, боящейся любых перемен и воспитанной в духе уважения к патерналистской власти. Если основное ядро правого электората – верхняя страта среднего класса остаётся обычно умеренно-консервативным, то в периоды кризисов часть его оказывается восприимчивой к популистской демагогии ультраправых радикалов во главе с харизматическими вождями, апеллирующими к люмпенизированным маргиналам. Они призывают не сохранить, а наоборот сломать существующую систему, заменив её режимом авторитарного типа.

Однако такой оборот событий неизменно ведёт к разрыву с основами европейских ценностей, в том числе правых, катастрофические последствия чего наглядно продемонстрировали то-

талитарные диктатуры в Европе между двумя мировыми войнами. Иными словами, плюрализм мнений, признание права на существование и диалог с политическими противниками, возможности ротации власти с ними в ходе свободных выборов является краеугольным камнем системы европейских общественных ценностей в целом¹⁰.

Противоположный, левый фланг европейского политического спектра имеет свой набор ценностных ориентиров. Для него характерны критическое отношение к статус-кво, существующему положению вещей, стремление улучшить его путём модернизации общественных структур, вера в прогресс, социальную справедливость, защита демократии, прав человека, равноправие женщин, осуждение дискриминации представителей этнических, религиозных и сексуальных меньшинств.

В конституционных вопросах сторонники европейских левых ценностей склонны поддерживать расширение полномочий выборных законодательных органов (парламент, местное самоуправление) как гарантии против авторитарных поползновений исполнительной власти, защищать независимость правосудия, гражданское общество от бюрократии, отстаивать светский характер государства. В сфере культуры сторонники левых ценностей сочувствуют новаторским исканиям, модернизму и постмодерну, раскрепощению нравов.

Наконец, во внешней политике левые в принципе поддерживают мирное решение международных споров, разоружение, усилия по защите окружающей среды (свёртывание атомной энергетики, борьба с потеплением климата) и помощь развивающимся странам (хотя последняя принимает порой утрированные формы гуманитарного мессианства – призывам к внешнему вмешательству, в том числе силовому, для предотвращения массовых нарушений авторитарными режимами прав человека).

В социальном плане левые ценности характерны для менее обеспеченной, но более образованной части среднего класса и интеллигенции, управленцев, инженерно-технических кадров,

---

¹⁰ См. Ю.И. Рубинский (отв. ред.). Франция в поисках новых путей. «Весь мир», М., 2007 г. С. 319.

квалифицированных рабочих и служащих, особенно представителей сферы образования и здравоохранения.

На протяжении XVIII–XIX вв. наиболее влиятельным идейно-политическим течением в Европе, разделявшим левые ценности, являлся либерализм, сторонники которого позиционировали себя как единственная альтернатива традиционалистскому консерватизму и феодально-аристократической реакции.

Слово «либерал» происходит от латинского *liber* – «свободный». Символом веры либералов всегда считается свобода личности, несовместимая с наследственными статусными привилегиями и авторитаризмом. Гарантиями индивидуальной свободы для либералов всегда были и остаются частная собственность, разделение и равновесие ветвей власти, верховенство закона, независимость судей в правовом государстве.

Либерализм всегда отвергал насильственные формы борьбы за свои ценности, предпочитая путь постепенных реформ¹¹. Подобная стратегия определялась социальной природой его сторонников, которыми являлись обычно более или менее обеспеченные слои, не склонные рисковать достигнутым общественным положением и собственностью в ходе революционных потрясений.

Родиной европейского либерализма считается Англия, где первая в мире буржуазно-демократическая революция XVII в. завершилась компромиссом элит в форме ограниченной парламентом монархии. В верхней Палате лордов доминировали консерваторы – тори, нижней – Палате общин им противостояли либералы – виги. Одни представляли интересы наследственной земельной аристократии, другие – городской торгово-промышленной буржуазии, политическое влияние которой нарастало по мере расширения избирательных прав, ставшего действительно всеобщим (включая женщин) только в XX в. Виднейшим представителем английской либеральной политической мысли был Дж. Стюарт Милль, её практиками – премьер-министры конца

---

¹¹ Слово «либерал» приобрело, в конечном счёте, более широкое применение – под ним обычно имеют в виду просто человека любых взглядов, склонного при решении конфликтов к терпимости, поискам компромиссной «золотой середины», снисходительности к уклонению от чересчур жёстких правил.

XIX – начала XX вв. Гладстон и Ллойд-Джордж.

Британский политический либерализм находил продолжение и закрепление во фритредерстве – свободе торговли от таможенных барьеров, излишне тяжёлого налогового бремени, от жёсткого административного регулирования государством рынка, в том числе рабочей силы. Она нашла обоснование в классических трудах А. Смита и Д. Рикардо, которые стали фундаментом либеральной экономической мысли на два столетия вперёд – вплоть до Ф. фон Хаека, В. Рёпке и М. Фридмана в XX в. Они исходят из базового постулата, согласно которому свободная конкуренция производителей товаров и услуг на рынке является единственным способом примирить узкокорыстные эгоистические частные интересы с общими. Поощряя прибылями наиболее эффективных, динамичных игроков и наказывая убытками и банкротством косных, архаичных, «невидимая рука рынка» обеспечивает, по убеждению либералов, оптимальную структуру и объём производства, нацеленного на всё большее разделение труда и стимулируя технические инновации (Дж. Шумпетер).

В ценностном отношении рыночный механизм освящался «протестантской этикой» М. Вебера, для которой успех в делах являлся не плодом греховного корыстолюбия, а исполнением морального долга перед Богом и людьми.

Достижения либералов на определённом историческом этапе развития экономики и демократизации политической жизни Европы XIX в. трудно отрицать. Именно под их руководством Великобритания стала промышленной «мастерской мира», его главным торгово-финансовым центром, метрополией величайшей в истории империи, а Европа – ведущим цивилизационным центром в глобальном масштабе.

Однако в XX в. либеральный сегмент системы европейских ценностей значительно сузился, а сам либерализм утратил былую роль авангарда общества, сместившись с левого фланга политического спектра Европы на правый. В ведущих государствах ЕС – Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании сравнительно небольшие либеральные партии типа свободных демократов или либерал-демократов играют роль до-

весков, младших партнёров в правоцентристских коалициях с консерваторами или христианскими демократами.

Добившись внушительных успехов на волне научно-технических революций, экономика мирового капитализма не смогла избавиться от имманентно присущих любому рыночному хозяйству издержек – циклического развития, безработицы, имущественного неравенства. В ходе двух самых масштабных системных кризисов – Великой депрессии 1929 и Великой рецессии 2008 гг., стали неизбежными меры государственного вмешательства в экономику – стимулирование спроса через финансирование бюджетом крупных инфраструктурных проектов, антициклическое и антикризисное регулирование с помощью гибкой денежно-кредитной политики, использование смешанных – частных и государственных форм собственности, ограничение безработицы, создание всеобщей системы социальной защиты. Хотя эффективность этих инструментов имела определенные пределы, а монетаристский неолиберализм неоднократно и безуспешно переходил в контрнаступление, оно выглядело теперь как «консервативная революция».

К началу XXI в. в развитых постиндустриальных странах Европы политическая программа европейских либералов – смена абсолютных монархий конституционными или республиками, развитие парламентаризма, гарантии основных гражданских свобод, отделение церкви от государства давно реализована, а ценностные категории либерализма в плане модернизации нравов или культуры стали общим достоянием. Несмотря на культ индивидуальной свободы и враждебность сословным привилегиям, которым противопоставлялась меритократия («власть заслуженных»), либеральные ценности во многом элитарны. Одержав окончательную победу над феодально-абсолютистской аристократией, либерально-буржуазные элиты Европы заимствовали у вчерашних соперников – консерваторов значительную часть их традиционалистских ценностей – семейных, религиозных, этических и эстетических¹².

---

¹² См. Robert B. Talisse. *Pluralism and liberal politics*. London, 2012; Melvin L. Fein. *Post-liberalisme*. N.-Y., 2012; Olivia Leboyer. *Elites et libéralisme*. Paris, 2011.

Эта эволюция стала очевидной уже с середины XIX в. во Франции, запоздалое вступление которой в эпоху промышленного капитализма сопровождалось острыми коллизиями между трудом и капиталом (восстания лионских ткачей, июньские дни 1848 г., Парижская Коммуна). Поэтому именно во Франции, а не в экономически более передовой Англии, рабочее движение впервые выдвинуло лозунги социализма, которые противопоставили либеральной системе ценностей собственную, основанную на идее социальной справедливости. Равенству в ней отдавался приоритет перед свободой, коллективизму перед индивидуализмом, общему интересу перед частным¹³.

Принимая поочередно утопические (Сен-Симон, Фурье, Кабе), анархо-синдикалистские (Прудон), гуманистические (Жорес), наконец, марксистские (Гед) формы, французский социализм отражал издавна присущие политической культуре Франции этатистские и эгалитаристские традиции, существенно отличные от англосаксонского либерализма. Именно синтез обоих лёг на протяжении XXI в. в основу европейской модели капитализма, реализованной наиболее эффективно не в Великобритании и Франции, а скорее в Германии и Скандинавских странах.

Получив широкое распространение далеко за пределами Европы, международное социалистическое движение распалось в начале XX в. на два основных потока – реформистскую социал-демократию и коммунизм, ценностные установки и политические пути которых расходились всё дальше. Первое доминировало в Северной и Центральной Европе, более развитой экономически (Германия, скандинавские страны, Великобритания), второй – в Южной и Восточной Европе (Россия, Франция, Италия, Испания), где доля крестьян и мелкособственнических городских слоёв населения долго оставалась выше.

Окончательный разрыв между ними не только в идейно-политическом, но в ценностном плане произошёл в результате Первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Судьбы обоих течений оказались весьма различными, хотя ни

---

¹³ D. Ligon. Histoire du socialisme en France (1871–1961). Paris, 1962.

одно не оправдало первоначальных ожиданий их сторонников.

Заслугой западноевропейской социал-демократии стала прежде всего её способность перехватить у либералов миссию защиты и дальнейшего развития народовластия, соединив его с социальными реформами. Приходя к власти в результате свободных выборов, партии Социнтерна сыграли решающую роль в становлении европейской модели социального рыночного хозяйства. После Второй мировой войны социал-демократы вместе с христианскими демократами и либералами внесли значительный вклад в развитие европейской интеграции, результатом которой стало создание Евросоюза 28 государств, совокупный экономический потенциал которого не уступает США и доминирует в мировой торговле.

Однако эти достижения потребовали от социал-демократов принесения жертву значительной части не только исходных программных установок, но и ряда основополагающих для них ценностей. Лозунги ликвидации частной собственности на средства производства, несовместимые с рыночной экономикой и правительственной ответственностью, были отправлены в архив. Убыточный госсектор резко сокращён или приватизирован не только правыми консерваторами и либералами, но и самими социал-демократами, перераспределительное соцобеспечение и трудовое законодательство приводятся в соответствие с жёсткими требованиями обеспечения финансового равновесия, диктуемыми интеграцией экономики стран ЕС и глобализацией.

К началу XXI в. европейская социал-демократия отказалась от марксистских лозунгов «разрыва с капитализмом», ограничившись управлением обществом и государством в соответствии с универсальными законами рыночной экономики. Центр тяжести её деятельности сместился к защите левых ценностей в социальной и общественно-политической областях (соцстрах, трудовые отношения, права меньшинств, защита окружающей среды, образование, здравоохранение и т.д.). Она фактически заняла покинутую либералами нишу основного противовеса правым консерваторам на ценностном уровне.

Всё более значительное место в программном обеспечении партий Социнтерна стали занимать «проблемы общества» –

борьба против дискриминации женщин, защита прав этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, сохранение окружающей среды, борьба с коррупцией и морализация политической жизни (хотя левые политики, в том числе социалисты, далеко не всегда показывали более убедительные образцы моральной безупречности, нежели правые).

Половинчатые итоги деятельности европейских социал-демократов с ценностной точки зрения выглядят, однако, гораздо позитивнее, нежели судьбы другой ветви мирового социалистического движения – коммунизма¹⁴.

Придя к власти в России путём вооружённого переворота под лозунгами, далёкими от социализма (мир, земля крестьянам), партия большевиков провозгласила своей конечной целью победу мировой пролетарской революции, а до неё – построение социализма в одной стране, призванной стать примером для всех остальных. Инструментом достижения этих целей стало всесильное государство с единой партией, располагавшей безраздельной монополией на политическую власть и СМИ при опоре на официальную идеологию и репрессивный аппарат. Тотальное огосударствление экономики с централизованным директивным планированием дало возможность мобилизовать ресурсы для форсированной индустриализации с приоритетом военно-промышленного комплекса и создать мощные вооружённые силы, одержавшие победу в войне против нацистской Германии, а после её окончания превратить СССР в одну из двух ядерных сверхдержав.

Тем не менее, в конечном итоге советская модель «реального социализма» оказалась несостоятельной. Лишённая внутренних стимулов к модернизации, она проиграла научно-техническое соревнование с Западом, а вместе с ним и холодную войну. Распад сферы влияния СССР, а затем и его самого нанёс по мировому коммунистическому движению смертельный удар, оттеснив его на сугубо маргинальную роль в жизни Европы.

Причём главное поражение режим советского типа потер-

---

¹⁴ США либералами именуют представителей левого крыла демократической партии, разделяющих, по сути, социал-демократические ценности, что создаёт определённую терминологическую путаницу.

пел не в экономике или гонке вооружений, а в духовной, ценностной сфере. Колоссальная цена – миллионы жизней, унесённых плохой подготовкой в войне, голодом, коллективизацией, массовыми репрессиями, не только подорвала жизненные силы советского народа, но и дискредитировала саму идею социализма. Хронический дефицит потребительских товаров, низкий жизненный уровень трудящихся масс в сочетании с привилегиями номенклатурной верхушки глубоко деморализовали как народ, так и элиты, утратившие веру в справедливость, эффективность и историческое будущее системы. Разрыв коммунизма с европейскими ценностями не мог быть компенсирован пропагандистскими штампами, утратившими под конец всякое доверие как внутри страны, так и за рубежом.

На протяжении XIX–XX вв. значительное место среди европейских ценностей, наряду с консерватизмом, либерализмом и социализмом, занял национализм.

Естественное чувство привязанности к родной стране и её народу, гордости её историей и культурой присущи человеку с глубокой древности. Оно особенно обостряется в периоды национальных катастроф и бедствий, когда тревога за судьбы Отечества сплачивает народ вокруг харизматических персонажей, чьи образы становятся олицетворением национального единства (Жанна д'Арк во Франции, Минин и Пожарский в России и т.д.).

В определённых обстоятельствах эти чувства могут приобретать утрированный характер, находя выражение в притязаниях на превосходство своего народа над другими, презрения и враждебности к ним. Тогда патриотизм перерождается в национализм, ксенофобию, а порой даже расизм.

Однако превращение патриотизма или национализма из этнокультурного феномена коллективной психологии в политический, а главное – ценностный началось в Европе только со времён Великой Французской революции 1789 г. Именно тогда подданные монархов, принадлежавшие порой к самым различным народам и говорившие на разных языках, были провозглашены гражданами с равными правами и обязанностями, независимо от их происхождения, взглядов или вероисповедания. Яко-

бинцы даже заявили, что гражданином Французской республики может считать себя любой человек, преданный идеалам свободы и преследуемый за это.

Новые импульсы пробуждению национально-патриотических чувств европейских народов дали наполеоновские войны и «весна народов» – революции 1848 г., в ходе которых борьба за освобождение от иностранного господства переплелась с лозунгами объединения раздробленных народов, прежде всего Германии и Италии, в государства-нации на демократических основах.

Родившиеся на левом фланге европейского политического спектра национально-патриотические ценности перекочевали во второй половине XIX в. на правый, где его взяли на вооружение консервативные, а затем и реакционные силы. Особенно злоеущие формы крайний национализм приобрёл в Европе в период между двумя мировыми войнами, когда он стал основой идеологии итальянского фашизма, германского нацизма, периферийных авторитарных диктатур (Испания, Португалия, Греция, Венгрия, Румыния и т.д.).

Чудовищные преступления против человечества, в том числе геноцид миллионов невинных людей – евреев, цыган и представителей иных народов, совершённые гитлеровцами во имя господства «арийской высшей расы», получили должную квалификацию цивилизованного человечества в приговоре Международного трибунала в Нюрнберге. Трагический опыт межвоенного периода оказал значительное влияние на европейскую систему ценностей. После распада колониальной системы европейские страны сыграли важную роль в падении расистского режима апартеида в ЮАР, оказавшегося в экономической, политической и моральной изоляции. Тем не менее, рецидивы крайнего национализма дают себя знать вплоть до наших дней, причём имеют тенденцию к учащению. Питательной почвой для них в конце XX в. стали проблемы иммиграции.

Негативная демографическая динамика коренного населения в Европе, которая вызывает сокращение её трудовых ресурсов, привела к массовому притоку мигрантов из развивающихся стран, составивших в начале XXI в. порядка 8-10% самодоя-

тельного населения государств Евросоюза. Завоевав политическую независимость в ходе деколонизации, страны-доноры остаются в большинстве экономически отсталыми, но сохраняют высокую рождаемость. Если в послевоенный период т.н. «славного тридцатилетия» быстрого экономического роста приток трудовых мигрантов не вызывал особых проблем, то с развёртыванием структурного кризиса мировой экономики и обострением проблемы занятости положение изменилось, заставив европейские правительства принять меры по ужесточению иммиграционной политики.

Они диктовались не только экономическими причинами. Большинство иммигрантов в Европу составляют отныне выходцы из регионов с радикально иной этнокультурной и конфессиональной спецификой (арабы из Магриба – Алжира, Туниса, Марокко, уроженцы Тропической Африки во Франции, индийцы и пакистанцы в Великобритании, турки в Германии, выходцы из Средней Азии в России и т.д.). Второй религией Европы стал ислам.

Значительная часть иммигрантов сосредоточена в пригородах крупных промышленных центров ЕС, где они могут надеяться на поддержку соотечественников и единомышленников. Испытывая серьёзные трудности с интеграцией в цивилизационно чужую среду, нередко дискриминируемые, часть иммигрантов образует «этнические гетто», где уровень безработицы, преступности, наркомании выше, а образования ниже, чем в среднем по странам приёма, даже во втором-третьем поколениях. Некоторые иммигранты поддаются под влияние проповедников фундаменталистского ислама, джихадизма, вовлекающих молодёжь в сети международного терроризма.

Реакцией коренного европейского населения оказывается рост отчуждения и враждебности к иммигрантам, активно и безуспешно используемые на фоне кризиса ультраправыми популистскими партиями типа Партии свободы в Голландии, «Золотого рассвета» в Греции или Национального фронта во Франции. Требования прекращения иммиграции, высылки нелегалов, предоставления коренному населению преимуществ при приёме на работу, распределении жилья и социальных льгот

принесли кандидату Национального фронта Марин Ле Пен 18% голосов в первом туре президентских выборов во Франции (2012 г.), а сочувствие её лозунгам выразила в ходе опросов треть респондентов.

Это оказывает влияние и на умеренные правительственные партии правого центра, лидеры которых отказываются от мультикультурализма, противопоставляя ему меры по утверждению национально-культурной идентичности граждан.

Национал-популистская волна не могла не отразиться на системе европейских ценностей. Ещё недавно воспоминания об ужасах гитлеровского геноцида, тяжёлый психологический осадок, оставшийся от войн периода деколонизации (Вьетнам, Алжир и т.д.), а в немалой степени и постколониальных (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия), вызывали у большинства европейцев, особенно левых взглядов, синдром морального осуждения любой дискриминации людей с иным цветом кожи, культурой, религией. Ныне эта обязательная политкорректность постепенно сдаёт позиции.

Наряду с проблемой иммиграции национализм даёт о себе знать и в подъёме сепаратистских движений, способных привести к расколу ряда европейских государств, где сохраняются заметные различия отдельных регионов как в экономическом, так и в культурно-лингвистическом отношениях. После распада федеративных государств – СССР, Чехословакии, Югославии на очереди оказались Бельгия (валлоны – фламандцы), Испания (баски, каталонцы), даже Великобритания (Северная Ирландия, Шотландия).

Одним из важных последствий подъёма националистических настроений среди части (в основном правой) европейского общества оказалось падение популярности идеологии и ценностей европеизма.

Процесс европейской интеграции, начавшийся в середине XX в, был подготовлен широким общественным движением, вдохновители которого – христианские демократы, либералы, социал-демократы апеллировали не только к экономическим или политическим факторам, но и к ценностным категориям. Объединение государств, передающих часть своих суверенных

прав наднациональным органам, изображалось историческим шагом к миру, призванным сделать новую войну в Европе не только морально недопустимой, но и материально невозможной (речь министра иностранных дел Франции Р. Шумана 9 мая 1950 г. – в пятую годовщину окончания Второй мировой войны на европейском театре).

Такое объединение изначально должно было строиться на основе общих европейских ценностей – рыночной экономики, демократии, прав человека. Признание этих ценностей («копенгагенские критерии») стало обязательным юридическим условием вступления в Евросоюз новых членов, число которых увеличилось за полвека с 6 до 28. Более того, мониторинг уважения этих ценностей объявлен обязательным в переговорах о других формах сотрудничества с ЕС (ассоциация, «соседство» и т.д.).

Ценностный аспект евростроительства не раз подвергался испытаниям как внутри ЕС (например, двойные стандарты в отношении статуса «неграждан» в странах Балтии), так и вовне (войны в Боснии и Герцеговине, Косово), но сохранял свою роль вплоть до развёртывания структурного кризиса мировой экономики, начавшегося в 2008 г. На фоне серьёзных экономических трудностей, с которыми столкнулся Евросоюз в целом и особенно его южная периферия – средиземноморским странам становилось всё труднее соблюдать в полном объёме основополагающий принцип евростроительства – свободное передвижение товаров, капиталов и людей. В ходе революций т.н. «арабской весны» потоки беженцев из Северной Африки заставили ряд ведущих европейских стран временно приостановить действие Шенгенских соглашений о безвизовом режиме и потребовать их пересмотра. Это способствовало дальнейшему ужесточению иммиграционной политики ЕС.

Критику инстанций ЕС в Брюсселе вызвали жёсткие меры Франции по принудительной высылке тысяч румынских и венгерских цыган, прибывших на её территорию в поисках лучшей жизни.

В условиях тяжёлого долгового кризиса средиземноморских государств-членов ЕС (Греции, Испании, Португалии) условия

оказания им финансовой помощи через европейский Центробанк стали предметом острых столкновений между должниками и кредиторами, прежде всего ведущей экономической державой Евросоюза – Германией.

В итоге притягательность «европейской мечты» начала снижаться. «Евроскептицизм», охвативший значительную часть избирателей и вызвавший раскол элит, поставил в повестку дня референдум о сохранении членства Великобритании в ЕС. Советник генсека Совета Европы Александр Гессель утверждает, что растущие трудности соблюдения фундаментального принципа солидарности, связанного с христианскими корнями Европы, даёт основания говорить о «кризисе европейских ценностей».

Определённые основания для подобных пессимистических оценок бесспорно есть, причём не только в связи с ростом национал-популизма из-за проблемы иммиграции или финансовой взаимопомощи Севера и Юга ЕС. На протяжении последних десятилетий в Европе заметны многие другие опасные тенденции, тревожащие её общественное мнение.

Успехи борьбы женщин за равноправие в образовании и профессиональной деятельности, механизация быта, семейное планирование подточили прежние устои моногамной семьи. Этому способствовали «революция нравов» молодёжи, легализация «мягких» наркотиков и однополых браков.

На рубеже третьего тысячелетия н.э. ценности европейцев – не только индивидуальные, личные, но и коллективные, общественные существенно эволюционировали.

Во второй половине XX в. в Западной, а затем и Центральной Европе сложилась достаточно эффективная, казалось, модель плюралистической демократии – парламентской или полупрезидентской, основанная на регулярной ротации у власти умеренных партий правого и левого центра при опоре на консенсус подавляющего большинства избирателей по базовым ценностям.

Принципиальные различия между их программами и особенно практической деятельностью в условиях далеко зашедшего процесса европейской интеграции минимизировались. Проб-

лема выбора государственных институтов по существу вообще по сути дела ушла с повестки дня. В сфере экономики основные споры между левыми и правыми партиями свелись к поиску оптимального сочетания государственных и рыночных инструментов, стимулирования темпов роста и распределения его плодов с помощью систем социальной защиты: социал-демократы предпочитали неокейнсианские подходы, правые партии – неолиберальные.

Результатом оказывалась постепенная эрозия традиционных ценностных критериев принадлежности партий и их избирателей к левым или правым. Консерваторы становились по существу либеральными, либералы – консервативными, социал-демократы – либеральными. Ось ценностных ориентиров в общественной жизни европейцев постепенно смещалась влево, тогда как сами левые ценности утрачивали радикально-реформаторский и тем более революционный характер. В итоге между двумя лагерями складывалось примерное равновесие сил, а результаты выборов зависели от смещения нескольких процентов голосов «текущего» электората – небольших центристских группировок.

Однако с начала XXI в. эта стабильность начала заметно расшатываться. Глобализация, обострение конкурентной борьбы на мировых рынках, резкие колебания цен на природные ресурсы, прежде всего энергетические, падение темпов роста, безработица, сузили поле для манёвра системообразующих партий.

С развёртыванием в 2008 г. мирового кризиса, особенно болезненно затронувшего южную периферию еврозоны, этот процесс резко ускорился, подрывая не только материальное положение, но и привычные ценностные ориентиры ядра европейского общества – среднего класса.

В таких условиях вектор общественной жизни Европы начал постепенно смещаться слева направо, а центристские тенденции уступают центробежным. Консерваторы оказываются всё более реакционными, либералы консервативными, социалисты ещё более либеральными.

Между тем на крайних флангах политического спектра растёт влияние экстремистских группировок ультраправого или ле-

вацкого толка, оперирующих безответственной популистской националистической и социальной демагогией. В таких условиях формирование и деятельность умеренных коалиционных правительств левого или правого центра становится всё более затруднительными. Не видя существенной разницы между ними, избиратели «голосуют ногами», отказываясь идти на выборы или отдавая в знак протеста свои бюллетени радикалам. Более того, политические конфликты нередко выходят за рамки правового поля на улицу в виде массовых движений протеста, перекликающихся с аналогичными событиями в развивающихся странах («арабская весна», Турция, Бразилия и т.д.).

Стремительный рост объёма финансовых операций на мировых рынках в ущерб реальному сектору – производству материальных благ вело к перемещению промышленного производства в развивающиеся страны и «деиндустриализации» Европы (кроме Германии).

В погоне за огромными бонусами топ-менеджеры европейских банков шли на всё более рискованные операции с ценными бумагами, способствуя раздуванию спекулятивных пузырей, крах которых вёл к разорению миллионов мелких вкладчиков, что и привело к мировому кризису.

Ценностные устои европейцев расшатываются под натиском безудержного консюмеризма – культа потребления, стимулируемого вездесущей рекламой и финансируемого искусственно раздутым кредитом. Уход от налогов в «фискальные оазисы» оффшорных зон усугубляет бюджетные дефициты и тяжесть суверенных государственных долгов. Коррупционные и сексуальные скандалы нанесли тяжёлый ущерб авторитету экономических и политических элит Европы, символами морального падения которых стали одиозные фигуры С. Берлускони и Д. Строс-Кана. Молодое поколение европейцев, наиболее пострадавшее в ходе мирового кризиса, всё чаще ставит под вопрос лицемерное «единое мышление», выходя порой на массовые акции протеста («возмущённые» в Испании).

Эти тенденции ведут к рецидивам упадочных настроений, которые не раз давали себя знать в Европе прошлого столетия. «Мы, цивилизации, – мы знаем теперь, что мы смертны, – с го-

речью писал вскоре после окончания Первой мировой войны французский эссеист Поль Валери. – ... Мы видим, что бездна истории достаточно вместительна для всех. Мы чувствуем, что цивилизация наделена такой же хрупкостью, как жизнь»¹⁵. В межвоенный период Освальд Шпенглер и Арнольд Тойнби выступили против европоцентризма, признав культурное, а, следовательно, и ценностное равноправие всех цивилизаций, неизбежно проходящих, по их мнению, через одни и те же последовательные циклы с фазами зарождения, подъёма, расцвета и упадка¹⁶.

Некоторые аналитики усматривают в этих тревожных явлениях опасность возврата к ситуации 30-х гг. прошлого века, когда Европа стала жертвой тоталитарных режимов правого или левого толка, а затем Второй мировой войны.

Однако подобные мрачные сравнения вряд ли можно считать обоснованными. Европа живёт сегодня во взаимозависимом мире, где дестабилизация одного региона угрожает жизненным интересам международного сообщества в целом. Это побудило многих авторитетных представителей европейских интеллектуальных элит, церковных кругов, да и самого бизнеса поставить вопрос о необходимости возврата европейского капитализма к его моральным ценностям – трудолюбию, бережливости, скромности, индивидуальной и социальной ответственности. Эти призывы адресованы не только бизнесу, но и европейскому обществу в целом.

Тем не менее, считать на этом основании всю систему европейских ценностей устаревшей было бы ошибкой. Именно в нынешнюю эпоху коренной ломки глобального баланса сил, а вместе с ним и многих традиционных представлений о границах добра и зла в отношениях между цивилизациями, народами, отдельными людьми становится особенно очевидным непреходящее значение европейских ценностей как одного из основных компонентов духовного наследия всего человечества.

---

¹⁵ Поль Валери. Об искусстве. Пер. с фр., изд-во «Искусство», М, 1976. С. 105.

¹⁶ Освальд Шпенглер. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. Пер. с нем., изд-во «Мысль», М., 1993.

ЕВРОПА ДЛЯ СЕБЯ ИЛИ ДЛЯ ВСЕХ?

На рубеже третьего тысячелетия н.э. мир стал свидетелем крушения системы ценностей по образцу СССР, предлагавшейся человечеству коммунистическим движением и рухнувшей в итоге холодной войны. Два десятилетия спустя плачевный исход войн в Ираке и Афганистане на фоне тяжёлого структурного экономического кризиса в свою очередь нанесли тяжёлый урон престижу либерального капитализма по модели США, которую поспешили провозгласить венцом мировой цивилизации, «концом истории»¹⁷. Ни одна из соперничавших ценностных систем лидеров бывшего биполярного мира так и не стала универсальной.

Между тем, беспрецедентный подъём экономики ряда развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, а также Бразилии, ЮАР, Южной Кореи, Турции, Индонезии породил кое-где надежды на создание ими качественно новой, более динамичной и перспективной модели развития, которая стала бы основой не только более сбалансированного многополярного миропорядка, но и новой системы ценностных координат, приемлемой для всех.

Однако «всплывающие» страны отнюдь не создали принципиально иную модель социально-экономического развития, которая представляла бы альтернативу как советскому «реальному социализму», так и западному, в частности, американскому либеральному капитализму. Составляющие их «экономического чуда» известны – это дешёвая рабочая сила, импорт западных технологий и капиталов, огромная доля накопления и инвестиций в ВВП, наконец, значительная роль государства в определении стратегических приоритетов, обеспечении благоприятного для инвесторов налогового, социального и экологического законодательства.

Успешно соединить эти элементы в странах бывшего «третьего мира» мог, как правило, жёсткий режим авторитарного характера, отвечавший историко-культурным традициям и реа-

---

¹⁷ Fareed Zakaria. The Post-American World. Allen Lane, London. 2008. P. 5.

лиям большинства стран, сравнительно недавно добившихся независимости от колониального господства. Атрибутами таких режимов обычно оказываются несменяемость лидеров, всё более резкий разрыв в уровне доходов верхов и низов, глубокие региональные и отраслевые диспропорции, запредельная коррупция бюрократии и как следствие рост социально-политической напряжённости, рано или поздно чреватой серьёзными потрясениями.

Этап ускоренного догоняющего развития, подкреплённого в ряде случаев сырьевой рентой в виде экспорта природных ресурсов, но лишённого стимулов для создания оригинальных, а не импортных или скопированных с чужих образцов технологических решений, имеет вполне определённые пределы во времени и пространстве. Трудовые ресурсы по мере демографического перехода сокращаются и дорожают, природные богатства испытывают резкие ценовые колебания, тогда как источники инвестиций из постиндустриальных стран Запада в условиях кризиса, как и их рынки, сокращаются.

Спекулятивные «пузыри» в Китае или Индии на рынке недвижимости, питаемые рискованными финансовыми инструментами, рост задолженности региональных властей, экологические катастрофы показали, что те же самые кризисные тенденции, начавшиеся в постиндустриальных странах, не чужды и развивающимся. Причём они сопровождаются вполне аналогичными негативными последствиями и на ценностном уровне – углублением социального неравенства, «моральным износом» правящих элит и т.д.

Единственным способом, способным предотвратить крушение исчерпавшей свой ресурс прежней модели может быть лишь своевременное реформирование её устаревших структур. Недаром новое, пятое после революции поколение руководства КНР, пришедшее к власти в 2012 г., провозгласило целью переход к новой модели развития, сочетающей сокращение госсектора, расширение внутреннего спроса и модернизацию производственной структуры на основе инновационных технологий будущего. Решение этих задач вписывается в контекст глобализированной мировой экономики, где КНР не претендует на роль

образца для подражания.

Если в социально-экономической сфере речь не идёт более, как это было во времена холодной войны, о соперничестве двух моделей общества как универсальных эталонов, то в области культуры, особенно систем ценностей, такая конкуренция исключена по определению. Ни одна из держав бывшего «Третьего мира», ни все они вместе взятые не могут, да и не стремятся распространять свои собственные ценностные категории во вне, навязывая их силой другим. Будучи наследниками великих древних цивилизаций, культур, религий, каждая из них озабочена прежде всего сохранением собственных ценностей, которым грозит глобализация, нежели приведением их к единому стандарту или проекцией во вне.

«Китайская политическая никогда не упразднит выборную демократию, ибо она, в отличие от последней, не претендует на универсальность – она не может быть экстраполирована», – отмечает китайский политолог и предприниматель Э. Ли¹⁸.

Исключением из этого общего правила являются лишь представители фундаменталистского ислама, выступающие под флагом террористической «священной войны» – джихада во имя создания мирового халифата, основанного на ценностях тысячелетней давности. Однако мусульманский мир глубоко расколот изнутри, а значительная часть его предпочитает искать свои пути к модернизации.

Пример Японии – первой из неевропейских держав, блестяще преуспевшей в модернизации экономики и общества по западным образцам при ревностном сохранении своей национальной идентичности, особенно показателен. Став третьей после США и КНР экономикой мира, Япония остаётся больше, чем какая-либо другая современная страна верной своим собственным ценностям, «экспортный потенциал» которых не может сравниться с торговым. Между тем японская демография оказалась одной из самых проблемных в мире, а экономика с конца 1980-х гг. уже два десятилетия подряд переживает хроническую стагнацию. Это побудило правительство С. Абе присту-

---

¹⁸ Eric X. Li. The Post-democratic Future Begins in China. «Foreign Affairs», Volume 92, № 1, January-February 2013. P. 34.

пить к коренному пересмотру прежней экономической стратегии (резкое увеличение Центробанком объёма денежной массы, фактическая девальвация иены с тем, чтобы стимулировать внутренний спрос и экспорт). Не исключено, что японский сценарий может рано или поздно повториться и у других «всплывающих» держав Азии, Африки, Латинской Америки, включая Китай, Индию, Бразилию, ЮАР по мере преодоления ими разрыва по уровню развития от постиндустриального Запада.

Тяжёлый долговой кризис стран южной периферии еврозоны, отразившийся на экономике и функционировании Евросоюза в целом (низкие темпы роста, высокая безработица и т.д.) нанесли немалый ущерб репутации европейской социально-экономической и политической модели, сложившейся за последние полвека и основанной на интеграции. Характерно, однако, что очередь кандидатов на вступление в ЕС не сокращается, а «копенгагенские критерии» для них остаются в силе.

Европейские ценности – точнее, та их часть, которая получила некогда глобальное измерение, сохраняют шансы быть востребованными прежде всего благодаря многообразию, плюрализму, позволяющим адаптировать их к самым различным условиям. Основные течения европейской политической мысли и практики – консерватизм, либерализм, социализм, национализм существуют в том или ином виде повсюду. Однако именно в Европе их сторонникам удалось наладить между ними цивилизованное конкурентное сосуществование, отказ от которого чреват угрозой экстремистских перекосов.

Российский философ Т.В. Скородумова высказала в своё время справедливую мысль о том, что стержнем системы европейских ценностей является положение человека в обществе, определяемое контрактом – формальным или нет – между верхами и низами, управляющим и управляемыми, идея которого была впервые выдвинута Ж.-Ж. Руссо. Исполнение такого контракта достигается по-разному с учётом различного уровня экономического развития, культурных особенностей каждой страны, но в он в любом случае он предполагает конструктивный диалог между государством и гражданским обществом, исполнительной и законодательной, светской и духовной, экономиче-

ской и политической властями. Альтернативой ему неизбежно оказываются социально-политические потрясения с высокими издержками для общества в целом, причём их масштаб прямо пропорционален степени жёсткости вертикально-иерархических авторитарных режимов, что наглядно показала серия «цветных революций» вплоть до «арабской весны».

Суровые уроки мировых войн и тоталитарных диктатур заставили европейцев искать и находить компромиссы между категориями, которые выглядели ещё в недавнем прошлом противоречивыми, а порой даже несовместимыми: веры и разума, индивидуализма и солидарности, свободной конкуренции и социальной защиты, рынка и государственного регулирования, наконец, национально-культурной идентичностью и сознанием принадлежности к единому цивилизационному центру с общей судьбой. Именно этот синтез, пусть далеко не идеальный, объясняет сохранение европейской системой ценностей универсального измерения. «Хотят того или нет, но евростроительство осуществляется *de facto* на базе ценностей, которые подаются как универсальные», – отмечает директор Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль¹⁹.

Попытки хоронить систему европейских ценностей не только бесперспективны, но и контрпродуктивны. Даже тогда, когда она порой изменяет сама себе, даёт временные сбои, становится особенно очевидной её незаменимость для народов не только самой Европы в её географических границах, но и далеко за их пределами. В данной связи возникает естественный вопрос о значении европейских ценностей для России, который неизменно оставался в центре её общественно-политической и духовной жизни на протяжении многих столетий²⁰.

Со времён крещения св. Владимиром киевлян в 988 г. восточное славянство, точно так же, как южное или западное, являлось органической составной частью христианской Европы,

---

¹⁹ Thierry de Montbrial. Il est nécessaire d'espérer pour entreprendre. *Penseurs et bâtisseurs*. Editions des Syrtes, Paris, 2006. p. 281.

²⁰ См. Ю.И. Рубинский. Европейские ценности. Доклады Института Европы РАН, № 189, М., 2007 г.

полностью разделяя систему её средневековых ценностей. Дочери великого князя Ярослава Мудрого были замужем за королями Франции, Венгрии и Норвегии, купеческие республики Великого Новгорода и Пскова фактически входили в Ганзейский союз на Балтике с немецкими и скандинавскими городами.

Церковный раскол, но особенно вторжение в середине XIII в. татаро-монголов, за которым последовало 240-летнее господство Золотой Орды, существенно изменили ситуацию. Русь оказалась надолго отрезанной от Западной и Центральной Европы, оставшись в стороне от важнейших этапов формирования её культурной идентичности – Ренессанса, Реформации. Даже после того, как русские княжества преодолели усобицы, сплотились вокруг Москвы и сбросили монголо-татарское иго, последствия этой изоляции ещё долго давали себя знать.

Именно тогда возник спор о пределах Европы, который продолжается до сих пор. На западе ими со всей очевидностью считаются Атлантический океан, на севере – Северное и Балтийское, на юге – Средиземное моря. Между тем на востоке эта граница, формально проходящая по Уралу, крайне размыта и сугубо условна. Уже в XVI в. Московское царство завоевало Сибирь, раздвинув свои пределы далеко вглубь Азии – до Тихого океана, а на некоторое время даже до Аляски и побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии. Причём это гигантское евроазиатское пространство оказалось, ввиду крайней малочисленности коренного населения и его ассимиляции, в цивилизационном отношении практически однородным. В связи с этим вопрос о границе Европы перерос из географического в культурный и политический – о принадлежности России к европейской цивилизации вообще и системе её ценностей в частности.

Мнения на этот счёт разделились. Представление об имманентной цивилизационной несовместимости Европы и России из-за её континентальных масштабов, евроазиатской географии, сложной истории, наконец, этно-конфессиональной неоднородности прочно укоренилось в сознании значительной части западноевропейских элит. Со своей стороны Московское царство, сплотившее русские земли и освободившее их от власти татаро-

монгольской Золотой Орды, ревниво оберегало недавно обретенную независимость – как политическую, так и духовную. Её оплотом служила православная церковь, видевшая в католической и её авангарде на востоке – Польско-литовской державе опасного врага, особенно после Смутного времени (начало XVII в.).

Вместе с тем в московских верхах постепенно зрело понимание того, что в условиях изоляции от западного образования, науки, техники, товаров, специалистов страна неизбежно обречена на магинализацию, оставаясь провинциальными задворками европейской цивилизации. Именно это сознание подготовило почву для беспрецедентных по решительности, а порой и варварской жестокости реформ Петра Великого, прорубивших России «окно в Европу».

Однако петровская «революция сверху» оказалась сопряжённой с огромными издержками – не только людскими и материальными (население страны сократилось на четверть), но также духовными. Между европеизированным, причём долгое время весьма поверхностно, тонким слоем служилого дворянства, бюрократии, нарождавшейся городской буржуазии и интеллигенции, с одной стороны, и народными массами, прежде всего закреплённым, тёмным, неграмотным крестьянством, образовался глубокий разрыв не только в культуре, образе жизни, быте и нравах, но даже в языке. По существу в послепетровской России сложились две разные, во многом даже противоположные системы ценностей. Такого разрыва в Западной Европе не бывало нигде.

Отрыв российских элит от народа усугублялся не менее глубоким расколом самих элит на тех, кто стремился довести модернизацию общества до европейских стандартов – отмены крепостного права, гарантий основных гражданских свобод в Конституции, создания выборных представительных учреждений, и их противниками, упорно сопротивлявшимися переменам во имя защиты исконных национальных традиций. В западных ценностях они видели прежде всего торжество чёрствого меркантильного эгоизма и распушенности нравов, угрожавших духовным ценностям православия.

Хотя борьба между консерваторами и либералами, затем либералами и социалистами была общей чертой общественно-политической жизни всех европейских стран, выливаясь порой в революционное потрясения, именно в России культурный раскол элит приобрёл характер жёсткого противоборства несовместимых систем ценностей. По существу это был конфликт между двумя путями развития страны – азиатским и европейским, чёткий выбор между которыми крайне затруднялся двойственностью её географии, истории и культуры.

Причём оба лагеря в этом конфликте всегда были крайне неоднородными: эстафета европеизма переходила от Новикова и Радищева к либеральному окружению молодого Александра I, затем к декабристам, «западникам» Грановского, творцам реформ Александра II, кадетам Милюкова, социал-демократам Плеханова. Лагерь традиционалистов был идейно не менее разношёрстным и противоречивым, нежели западников: он включал отнюдь не только твердолобых реакционеров – охранителей или черносотенных националистов-погромщиков. В нём фигурировали и либеральные славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники – эсеры.

Двойственность отношений между Западной Европой и Россией, вызывавшая раскол внутри элит, давала себя знать и в советский период. Партия большевиков пришла к власти как глубоко «западническая» сила – революционное крыло международной, прежде всего европейской, социал-демократии под флагом родившихся в Европе марксистских идей пролетарского интернационализма. В глазах Ленина и Троцкого октябрьский переворот 1917 г. должен был стать началом мировой социалистической революции, для которой Россия была лишь отправной точкой, подтолкнув её в Германии.

Поэтому на протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских, мессианских идей глобального масштаба, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции. Прошлое России осуждалось как сплошное «тёмное царство» реакции, православная

церковь подвергалась гонениям, а из национально-культурных традиций принималось только то, что выглядело предтечей революции. При этом жёсткое противостояние капиталистическому Западу, включая Европу, сочеталось с поддержкой мирового коммунистического движения под руководством Коминтерна, обосновавшегося в Москве.

Однако по мере того, как мечты о мировой революции рассеивались, а Сталин приступал к строительству «социализма в одной стране», идейное кредо режима претерпевало существенные изменения. Сбылось предвидение философа-эмигранта Н. Бердяева, считавшего, что Третий, Коммунистический Интернационал на российской почве рано или поздно станет советским изданием идеи «Третьего Рима». Модернизационный пафос индустриализации подкреплялся мотивами советского патриотизма, в истории России подчёркивалась позитивная роль царей-строителей империи (Ивана Грозного, Петра I).

Эта смена вех получила мощный стимул в период Второй мировой войны, когда Сталин апеллировал к патриотическим ценностям русского народа, памяти «великих предков» – Дмитрия Донского, Александра Невского, Суворова и Кутузова. В официальной советской идеологии победа в Великой Отечественной войне оттесняла на задний план поблекшие воспоминания о революционной романтике Октября в качестве главного источника легитимации режима.

С расколом антигитлеровской коалиции и началом холодной войны национал-патриотические мотивы советской пропаганды переросли в агрессивный антизападный, в том числе антиевропейский шовинизм и ксенофобию. Кампании против «безродного космополитизма», за утверждение «отечественного приоритета» во всех науках способствовали самоизоляции СССР от внешнего мира, в том числе Западной Европы, где начавшийся процесс евростроительства изображался как симптом возрождения германского реваншизма под эгидой США.

Однако открытый разрыв руководства СССР с интернационалистскими истоками марксизма-ленинизма был невозможен. Только коммунистическая идеология, даже окостеневшая и потерявшая всякую кредитоспособность, оправдывала ценности

ми социализма провалы экономики, подавление инакомыслия, привилегии номенклатуры внутри страны. Она же обосновывала навязывание странам Центральной и Восточной Европы режимов советского образца, обеспечивала, наряду с материальной помощью, контроль КПСС над международным коммунистическим движением (несмотря на диссидентство троцкистов, а затем компартий Китая, Югославии, Албании), наконец, распространяла влияние Москвы на ряд стран «Третьего мира» благодаря поддержке антиколониальных, затем просто любых антизападных движений.

Двойственность ценностного багажа Советского Союза – национал-изоляционистского и в то же время великодержавно-имперского с революционно-прогрессистским – объясняла контрастность образа СССР в представлении европейских элит вплоть до 70-х гг. XX века. Для коммунистов и их попутчиков из числа представителей левой интеллигенции СССР представлялся если не идеальным воплощением светлого будущего человечества, то во всяком случае единственным оплотом в борьбе против несправедливостей буржуазного общества, угрозы фашизма и войны. Напротив, в глазах их противников – от консерваторов и правых либералов до социал-демократов он выглядел «империей зла», смертельной опасностью для европейской цивилизации и всех её традиционных ценностей.

В конечном счёте, именно внутренняя противоречивость советских ценностей, разрывавшихся вместе с внешней политикой послесталинского СССР между интернационалистским мессианством и великодержавно-имперским мышлением биполярного мира, сыграла важную роль в крахе режима.

Традиционная дихотомия между Европой и Азией как на духовном, цивилизационно-ценностном уровне, так и в поисках оптимальной социально-экономической модели, государственного строя, внешнеполитического курса, сохранялась и в постсоветской России.

С середины 80-х гг., когда заканчивалась холодная война, в политико-интеллектуальных кругах перестроечного СССР преобладали западнические, особенно европеистские настроения. «Мы – европейцы. С Европой Древнюю Русь объединило хри-

стианство, – утверждал первый и последний президент СССР М.С. Горбачёв. – ... Европа «от Атлантики до Урала» – это и историко-культурная целостность, объединяемая общим наследием эпохи Возрождения и Просвещения, великих философских и социальных учений XIX–XX вв.»²¹. Отсюда вытекала горбачёвская формула «Европа – наш общий дом», которой так и не было суждено обрести сколько-нибудь конкретное содержание.

Данная инерция ещё более усилилась в первой половине 1990-х гг., когда в коридоры власти правопреемницы бывшего СССР – Российской Федерации на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной, западной интеллигенции. Её целями были провозглашены решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем (Е.Т. Гайдар, А.Т. Чубайс, А.В. Козырев и др.).

Определённые реальные результаты на этом пути были достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась недостаточной, а социальная цена – чрезвычайно высокой. Между тем значительное ослабление военного потенциала России, зависимость её экономики от кредитов международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк), контролируемых США, серьёзно подорвали позиции Москвы на международной арене, что вылилось в серию унижительных внешнеполитических неудач, в частности, в ходе распада бывшей Югославии, расширения НАТО и т.д.

Результатом оказался уже в конце 1990-х гг., но особенно в начале XXI века крутой перелом настроений в российском общественном мнении, тяжело переживавшем болезненный постимперский синдром утраты роли мировой сверхдержавы. В официальном дискурсе представителей правящих кругов, среди которых преобладали выходцы из спецслужб и военно-промышленного комплекса, всё сильнее звучали великодержавные, национал-патриотические мотивы.

---

²¹ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. Изд-во политической литературы, М., 1987. С. 200-207.

Они находили идеологическую подпитку в подъёме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, представители которых отстаивали для России особый «евразийский» путь, представляющий отдельный от Европы и Азии цивилизационный ареал с собственной системой ценностей. Она резюмировалась формулой «Державность, духовность, соборность» – слегка обновлённым вариантом известной триады графа Уварова в XIX веке. («Самодержавие, православие, народность»). Эти мотивы оборачивались эволюцией режима в сторону усиления авторитарно-бюрократических методов «ручного управления», плодящих коррупцию, преобладанием централизма над федерализмом, усилением роли государства в экономике, ограничением независимости правосудия и СМИ.

Между тем выросшее в нулевые «тучные годы» высоких мировых цен на энергоносители, составляющие основные статьи российского экспорта и половину доходов бюджета, поколение представителей среднего класса крупных российских городских центров – средоточия современных видов производства, услуг, информации – проявляло растущую неудовлетворённость положением дел в стране. В конце 2011–2012 гг. оно вылилось в массовые уличные демонстрации, участники которых мотивировались не столько конкретной экономической или политической программой, сколько требованиями морально-ценностного порядка (протесты против фальсификации результатов выборов, осуждение коррупции чиновничества и т.д.). Хотя в протестном движении приняли участие отдельные националисты и левые радикалы, большинство их разделяло либерально-западнические, европейские ценности. Ответом власти стала серия репрессивных законов, ограничивающих формы уличного протеста, деятельность НКО и т.д. под флагом борьбы с подрывной деятельностью Запада.

По существу эти противоречивые тенденции в общественной жизни России начала XXI в. не являются принципиально новыми. Они лишь продолжают в современных условиях издавна присущую стране внутреннюю противоречивость культурно-ценностных ориентиров, связанную с её уникальной географией и сложной, порой трагичной историей.

В данной связи необходимо уточнить грань между геополитическими или экономическими интересами России, с одной стороны, и системой её ценностей, с другой.

Первые, безусловно, требуют многовекторного, сбалансированного подхода. «Поворот на восток», в сторону динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона бесспорно является объективным императивом для всех центров силы глобализированного многополярного мира. О таком повороте официально объявили президент США Б. Обама и лидеры многих других крупных государств – от Турции до Индии и Пакистана.

Для России проблема интенсивного обустройства Сибири и Дальнего Востока, занимающих три четверти её территории, но лишь 20% населения, стала вопросом выживания как великой державы. Отсюда естественно активное развитие экономического и политического развития сотрудничества РФ с государствами АТР, прежде всего с великим соседом – Китаем.

Преодолению глубокого демографического и экономического разрыва между европейской и азиатской частями единой страны мог бы способствовать проект Евразийского союза, основанного, подобно ЕС, на свободе движения товаров, капиталов, людей, услуг. Этапом на этом пути служит Таможенный союз России, Белоруссии, Казахстана с участием других государств СНГ – первый этап на пути формирования в будущем единого экономического пространства «от Владивостока до Лиссабона».

Однако попытки придать этому общему геополитическому тренду цивилизационное измерение, представить его как выбор между европейскими и азиатскими ценностями в пользу последних или претензии на роль особой евразийской цивилизации – «моста» между ними, по меньшей мере, наивны. Они могут вести Россию либо к самоизоляции, либо к раздвоению собственной духовной идентичности.

Пример Украины, которая за 20 лет независимости уже дважды оказывалась на грани раскола между Западом и Востоком, чреватой национальной катастрофой, убедительно подтверждает это. Последний конфликт между Россией и ЕС вокруг места Украины в глобальном раскладе сил – не только экономическом или политическом, но и ценностном, сделало выход укра-

инского государства из затяжного системного кризиса гораздо более трудным, дорогостоящим и потенциально взрывоопасным для обеих сторон, а тем более для самих украинцев.

Суровые вызовы нашей эпохи властно диктуют европейцам нынешнего и грядущих поколений необходимость создания единого цивилизационного пространства. При всём различии культурных традиций народов, живущих на огромном континенте Евразии, в этнокультурном, конфессиональном, а главное ценностном отношении Россия всегда была, есть и будет своеобразной, но органической и к тому же незаменимой составной частью европейской цивилизации – другого ей просто не дано.

**В 2012–2013 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

279. Германия. 2011. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 279, М., 2012 г.
280. Британия в кризисе: тактические меры и стратегические цели. Под ред. Ал.А.Громыко и др. ДИЕ РАН, № 280, М., 2012 г.
281. А.А.Красиков. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим. ДИЕ РАН № 281, М., 2012 г.
282. И.С.Гладков. Внешняя торговля России: ретроспективный анализ и современность. ДИЕ РАН № 282, М., 2012 г.
283. Испания после парламентских выборов. Прогнозный анализ. Под ред. В.Л.Верникова. ДИЕ № 283, М., 2012 г.
284. Большое Причерноморье: поиск путей расширения сотрудничества. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ № 284, М., 2012 г.
285. Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 285, М., 2012 г.
286. Перемены в Европе: возможны ли альтернативные модели. Под ред. Ал.А.Громыко, Т.Т.Тимофеева. ДИЕ РАН № 286, М., 2012 г.
287. Что Россия ждёт от Европейского союза? Под ред. Н.Б.Кондратьевой. ДИЕ РАН № 287, М., 2013 г.
288. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть I. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
289. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике. Часть II. Под ред. А.И.Бажана, К.Н. Гусева и др. ДИЕ РАН № 288, М., 2013 г.
290. Юго-Восточная Европа: между прошлым и будущим. Под ред. А.А.Язьковой. ДИЕ РАН № 290, М., 2013 г.
291. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 291, М., 2013 г.
292. Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. Под ред. Ал.А.Громыко. ДИЕ РАН № 292, М., 2013 г.
293. Е.В.Ананьева. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму». ДИЕ РАН № 293, М., 2013 г.
294. Германия. 2012. Часть I. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 294, М., 2013 г.
295. Германия. 2012. Часть II. Под ред. В.Б.Белова. ДИЕ РАН, № 295, М., 2013 г.
296. Глобальные риски XXI века: пределы регулирования. Под ред. Н.П.Шмелёва и др. ДИЕ РАН, № 296, М., 2013 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2012–2013

279. Germany. 2011. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 279, M., 2012.
280. Britain in crisis: tactical measures and strategical goals. Ed. by Al.A.Gromyko and others. Reports of the IE RAS, № 280, M., 2012.
281. A.A.Krasikov. Vatican 2000years after. Roman Catholicism between the past and the future. Reports of the IE RAS, № 281, M., 2012.
282. I.S.Gladkov. The foreign trade of Russia: retrospective analysis and the present. Reports of the IE RAS, № 282, M., 2012.
283. Spain after the parliamentary election. The prognosis. Ed. by V.L.Vernikov. Reports of the IE RAS, № 283, M., 2012.
284. Great Black Sea area: the quest for enhanced cooperation. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 284, M., 2012.
285. Russia and the Apennines states in the contemporary world. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 285, M., 2012.
286. Changes in Europe: are alternatives possible. Ed. by Al.A.Gromyko, T.T.Timofeev. Reports of the IE RAS, № 286, M., 2012.
287. What does Russia expect from the European Union? Ed. by N.B.Kondratyeva. Reports of the IE RAS, № 287, M., 2013.
288. Global imbalances and world economy crises. Part I. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 288, M., 2013.
289. Global imbalances and world economic crisis. Part II. Ed. by A.I. Bazhan, K.N.Gusev and others. Reports of the IE RAS, № 289, M., 2013.
290. South-Eastern Europe: between the past and the future. Ed. by A.A.Yazkova. Reports of the IE RAS, № 290, M., 2013.
291. Global Governance in the XXI Century: Innovative Approaches. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 291, M., 2013.
292. Wider Europe in the Global World: New Challenges – New Solutions. Ed. by Al.A.Gromyko. Reports of the IE RAS, № 292, M., 2013.
293. E.V.Ananieva. From New Labour to Progressive Conservatism. Reports of the IE RAS, № 293, M., 2013.
294. Germany. 2012. Part I. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 294, M., 2013.
295. Germany. 2012. Part II. Ed. by V.B.Belov. Reports of the IE RAS, № 295, M., 2013.
296. Global risks in the XXI century: limits of regulation. Ed. by N.P.Shmelev and others. Reports of the IE RAS, № 296, M., 2013.